

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

УДК 821.161.1Чехов+82-32::82-92.

ПАРАДОКСЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ. К ИСТОРИИ РЕЦЕПЦИИ ОДНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ: РАССКАЗ А.П. ЧЕХОВА «ИОНЫЧ»

Л.Е. Бушканец

lika_kzn@mail.ru

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия

Аннотация. В статье рассматривается первый этап интерпретации рассказа А.П. Чехова «Ионыч» современной ему литературной критикой. Именно выводы критиков задали направление понимания рассказа, актуальное до нашего времени и закрепившееся в школьной дидактике. Однако анализ методологии критики рубежа XX-XXI веков позволяет увидеть ее невольную ограниченность. Это следствие распространенных этических, эстетических концепций, удачно проявляющих себя при анализе произведений других авторов, но неприложимых к чеховским текстам. В статье анализируется ситуация, сложившаяся в результате несовпадения картины мира Чехова и его критиков, что привело к тому, что закрепившиеся интерпретации мешают читателю более позднего времени увидеть сложность рассказа. В результате рассказ остался незамеченным критикой, однако парадокс ситуации в том, что в XX веке рассказ «Ионыч» вошел в школьный канон, хотя трактовка рассказа не изменилась. История интерпретации одного произведения впервые предпринята в литературоведении и чеховедении. Актуальность исследования и выработанной методологии состоят в том, что без понимания того, как формировалось понимание литературного произведения от момента его появления в печати и до наших дней, нельзя понять, насколько адекватны современные интерпретации.

Ключевые слова: «Ионыч», Чехов, литературная критика, рецепция, интерпретация, стереотипы.

Для цитирования: Бушканец Л.Е. Парадоксы интерпретации. К истории рецепции одного произведения: рассказ А.П. Чехова «Ионыч». *Казанский лингвистический журнал*. 2021; 1 (4): 8–24.

PARADOXES OF INTERPRETATION. TO THE HISTORY OF THE RECEPTION OF ONE STORY: «IONYCH» BY A.P. CHEKHOV

L. E. Bushkanets

lika_kzn@mail.ru

Kazan Federal University, Kazan, Russia

Abstract. The article deals with the first stage of interpretation of A. P. Chekhov's short story «Ionych» by contemporary literary criticism. It was the conclusions of the critics that set the direction of understanding the story, relevant to our time and entrenched in school didactics. However, an analysis of the methodology of criticism at the turn of the XX-XXI centuries allows us to see its involuntary limitations. This is a consequence of common ethical, aesthetic concepts that successfully manifest themselves in the analysis of the works of other authors, but are not applicable to Chekhov's texts. The article analyzes the situation that has developed as a result of the discrepancy between the picture of the world of Chekhov and his critics, which led to the fact that

the closed interpretations prevent the reader from seeing the complexity of the story later. As a result, the story went unnoticed by critics, but the paradox of the situation is that in the twentieth century the story «Ionich» entered the school canon, although the interpretation of the story has not changed. The history of the interpretation of one work is first attempted in literary studies and Chekhov's studies. The relevance of the research and the developed methodology is that without understanding how the understanding of a literary work was formed from the moment of its appearance in print to the present day, it is impossible to understand how adequate modern interpretations are.

Keywords: «Ionich», Chekhov, literary criticism, reception, interpretation, stereotypes.

For citation: Bushkanets L.E. Paradoxes of Interpretation. To the History of the Reception of One Story: «Ionich» by A.P. Chekhov. *Kazan Linguistic Journal*. 2021; 1 (4): 8–24. (In Russ.)

Чехов пользовался ни с чем не сравнимой популярностью среди современных ему читателей. Отношение же к нему критики было сложным, однако после рассказов начала 1890-х годов, особенно «Палаты №6», «Мужиков», закрепилось его место на вершине литературной иерархии и каждое новое произведение вызывало бурное обсуждение. Потому можно было предположить, что на появившийся в 1898 году рассказ «Ионыч» мы найдем несколько десятков отзывов, которые помогут выстроить стройную историю о том, как произошла канонизация этого рассказа, «вершиной» чего стало не просто обязательное его чтение в рамках школьной программы, но вхождение в классификатор ЕГЭ.

Однако никакого соответствующего материала нет.

Рассказ был опубликован осенью 1898 года. В 1898–1899 годах критика обсуждала новые чеховские рассказы «Человек в футляре», «Крыжовник», недоумевала по поводу «О любви», но об «Ионыче» говорила вскользь. Так, вывод о переломе «в отношении к действительности» Н. К. Михайловский в большой программной статье «Кое-что о г. Чехове» подтверждает разбором «Палаты № 6» и «Черного монаха», «Человека в футляре» и «О любви», «Дамы с собачкой» и «В овраге» [11], но не обращается к «Ионычу».

Рассказ был включен автором в собрание сочинений, изданное А. Ф. Марксом. «Ионыч», «Случай из практики», «По делам службы», «Душечка», «Новая дача» напечатаны в т. IX, т.е. в 1901 году. Собрание сочинений спровоцировало множество обзорных статей о писателе [15].

Но во многих статьях 1900-х годов, в том числе посмертных, рассказ лишь упоминается в общем ряду. В некрологах названы «Степь», «Иванов», «Дуэль», «Палата № 6», «Рассказ неизвестного человека», «Мужики», «Скучная история», «Дядя Ваня», «По делам службы», «Случай из практики», «Крыжовник», «Невеста». Это те рассказы и пьесы, которые вошли в «критический канон» того времени. «Ионыча», как и «Архиерея», тоже чеховского шедевра, там нет. Критики отмечали, что такие персонажи, как Душечка, Никитин, Беликов будут нарицательными – они не уступают Хлестакову или Фамусову, но Старцев среди них не назван. Многие считали рассказ «Человек к футляре», написанный практически одновременно (май-июнь 1898 г.) с «Ионычем», высшей точкой творчества писателя, но интересующий нас рассказ только упоминали. В статье С. Венгерова в «Энциклопедическом словаре» (1903 г.) названы «Степь», «Скучная История», «Дуэль», «Палата № 6», «Рассказ неизвестного человека», «Мужики» (1897), «Человек в футляре», «В овраге»; из пьес – «Иванов», не имевший успеха на сцене, «Чайка», «Дядя Ваня», «Три сестры». «Ионыча» в списке нет [2].

Почему рассказ почти не вызвал интереса?

Причин было несколько.

Прежде всего, это «нормативизм» представлений о человеке и литературе. Эта особенность не зависела от направления, к которому принадлежал критик, она была характерной чертой мышления интеллигенции того времени. Логика мышления критики рубежа веков опиралась на идеалистические (в философском смысле слова, т.е. абстрагированные) представления о человеке: норма человеческой психики – это обязательно деятельное начало, оптимистический взгляд в будущее, отрицание уныния, обличение несправедливости. «Прогрессивный интеллигент» сразу должен был быть таким типом личности. Так, один из чеховских современников, Г. Задера, писал, используя характерную лексику: «Доктор Старцев в рассказе «Ионыч» –

вначале молодой, неглупый врач, настолько занятый в больнице, что в продолжение больше года он, например, не мог выбрать свободного часа, чтобы съездить к Туркиным. <...> В этом превосходном рассказе <...> поразительно ярко изображена картина нравственного падения человека и врача, картина постепенного погружения в атмосферу той пошлой, обывательской жизни, той «обыденщины», из которой нет будто бы выхода. На наших глазах Старцев из молодого, неглупого врача, идейного работника, превращается в сытого, противного обывателя, в хищника и паразита» [9]. Показательны выражения «идейный работник», «противный обыватель».

«Действительность» понималась не во всем значении этого слова, а как противоположность идеалу, «сознательному творческому отношению к жизни, сознательному проявлению личности и личной воли», потому человек должен быть сознательным, правильным, деятельным и непреклонным. С наиболее развернутым осуждением центральных героев рассказов Чехова именно с этих позиций выступил А. М. Скабичевский в статье «Больные герои больной литературы. Литература в жизни и жизнь в литературе. Критические письма. Письмо 7-е» [20]. Опираясь на «Дом с мезонином» и «Мою жизнь», он писал об излюбленном чеховском типе человека – будто бы нравственно больного, надломленного, психопатического, одержимого разными душевными недугами.

Со временем, утверждали критики, таким идеально-правильным станет каждый человек: потому общим местом было указание, что в Чехове есть прозрение в лучшее будущее, предчувствие грядущих поколений, что в рассказах Чехова мы видим призвание человека в духовной деятельности и искании веры. Критик Джонсон писал: «Чехов страстно ждал, страстно тосковал как писатель по этой светлой, прекрасной жизни <...> А когда Старцев («Ионыч») бродил лунною ночью по кладбищу, то ему казалось, что «в каждом темном тополе, в каждой могиле чувствуется присутствие тайны, обещающей жизнь тихую, прекрасную, вечную [7, с.123].

Так специфика мироощущения критика приписала рассказу смыслы, которых там нет. Это происходит всегда, когда чтение не является

постижением «другого» («Как служба понимания филология помогает выполнению одной из главных человеческих задач – понять другого человека (и др. культуру, др. эпоху), не превращая его ни в «исчислимую» вещь, ни в отражение собственных эмоций» [24]), а проекцией собственных требований к жизни и литературе.

Именно эта установка нормативистски настроенной критики задала направление рецепции рассказа и определила следующие ключевые высказывания: «деградация», «пошлый город», «мещанство» и пр. Обратим внимание на то, что эти представления закрепились в общественном сознании и актуализировались в школьной дидактике.

В картине мира большинства критиков эти идеалистические представления о человеке наложились на особенности российской жизни рубежа веков – это ощущение кризиса и наступающей катастрофы и одновременно ожидания светлого будущего. Заданная когда-то Н.К. Михайловским мысль о тоске по общей идее в творчестве Чехова сформировалась в стройную концепцию: Чехов – писатель российского апокалипсиса, убожества нашей жизни, однако смысл его деятельности – это призыв к свету, призыв к гуманной деятельности, новой, чистой жизни. Такой Чехов, хотя и «пессимист», был «оправдан» критикой. Если произведение укладывалось в схему «от безрадостного прошлого и мещанского настоящего к светлому будущему», от тьмы к свету, то оно вписывалось в концепцию чеховского творчества. И «Крыжовник», и «Человек в футляре», и даже не очень понятный рассказ «О любви», но хотя бы с размышлениями о том, что «когда любишь...», были приняты. Но «Ионыч» даже на фоне других чеховских рассказов исключительно «неудобен», поскольку ничего, очевидно связанного с «прогрессивным развитием жизни», там нет.

Потому рассказ был переинтерпретирован как рассказ о суровой русской действительности.

Р.И. Сементковский поставил рассказ «Ионыч» в один ряд с другими произведениями Чехова 1898 г., где, по его мнению, решается вопрос

об отношении идеалов к современной жизни: «Прочтите последние произведения г. Чехова, и вы ужаснетесь той картине современного поколения, которую он нарисовал с свойственным ему мастерством. Возьмете ли вы Ионыча, героя рассказа, помещенного в „Литературных приложениях“ „Нивы“ за сентябрь, или ряд личностей, выведенных в других рассказах талантливого беллетриста, – вы одинаково вынесете какое-то щемящее впечатление бессилия найти в жизни идеальное содержание» [19, Стб.391]. И. П-ский писал о том, что рассказ «Ионыч» относится к тем произведениям, в основе которых лежат «глубокие драматические сюжеты в обыденной жизни» [16, с. 21], Волжский – о том, что «широко разворачивается картина обыденной жизни с ее торжеством пошлости, мелочности, жестокой бессмыслицы, тупой скуки и безнадежной тоски» [3, с.61].

Второй оправдывающий рассказ тезис – о деградации героев, за которым стоит как бы «полуосознанный» писателем, но осознанный критикой призыв к «новому человеку».

А. Волынский писал, что суть рассказа «Ионыч» – это настоящая русская тяжелая действительность, действующие на этом фоне типично русские люди (медленный, вялый темп их жизни тоже характерен для России) – неудачные дилетанты искусства, воображающие себя непризнанными талантами, разные добродушные домашние комедианты и комики, опускающийся, полнеющий, жиреющий доктор, переживший легкий неудачный роман без всякого ущерба и без всякого значения для души, а затем удачно практикующий и наживающий большое состояние. Потому настроение рассказа – удушливое, гнетущее, хотя автор на этот раз не дает воли никаким лирическим излияниям [5, с. 341]. Но этот рассказ является «обещанием нового человека: «В самом деле, среди брожений современной литературы, знаменующих появление нового человека, Чехов стоит особняком, почти одиноко. <...> Герои Чехова болеют и сами не знают, чем болеют, умирают, и не знают, отчего именно умирают, и это их незнание и непонимание являются доказательством того, что они подошли к какой-то большой, сложной, еще не объемлемой ими правде. Художник сам

еще не обнял этой правды и, может быть, никогда не обнимет ее, но он стоит перед нею, чувствуя всю ее важность. Хороня своих героев, он уже как бы склоняется перед какой-то новой, сверхнормальной истиной. Слово его, такое вдумчивое, такое благородное, передает конвульсию ветхого человека, из которого должен выйти новый человек. Он живет в старом воздухе, но задыхается в нем» [5].

Д.Н. Овсяннико-Куликовский также вписал рассказ в определившуюся схему: в рассказе Чехова «Ионыч», как и в других произведениях, «руководящей точкой зрения служит мрачный, безотрадный взгляд на человека и на современную жизнь. Но этот взгляд так выражен <...>, что внимательный и вдумчивый читатель чувствует присутствие идеала, его тихое, еще неясное веяние, и вместе с художником устремляет свой умственный взор в туманную даль грядущего, где уже чувствуется бледный рассвет новой жизни» [12, с. 234. Ср.: 13, с.138]. Основой пессимизма Чехова, по мнению Овсяннико-Куликовского, служит «унылое и безотрадное чувство, вызываемое в художнике созерцанием всего, что есть в натуре человеческой заурядного, пошлого, рутинного» [13, № 3, стлб. 263.]. Этот пессимизм исходит отнюдь не из отрицания возможностей совершенствования отдельного человека и общества в целом, напротив, он основан «на глубокой вере в возможность безграничного прогресса человечества», но «главным препятствием, задерживающим наступление лучшего будущего, является нормальный человек, который не хорош и не дурен, не добр и не зол, не умен и не глуп, не вырождается и не совершенствуется, не опускается ниже нормы, но и не способен хоть чуточку подняться выше ее» [13, № 3, стлб. 264.]. Потому критик внимательно рассмотрел процесс «постепенного очерствения души молодого врача»: «Ионыч» – отнюдь не рассказ «на старую, избитую тему о том, как „среда заедает свежего человека“» [13, № 3, стлб. 259]. Благодаря природному уму Старцев понимает заурядность и пошлость окружающей обстановки и обывателей города, но он и сам не исключен из «рутины, которая ему так ненавистна в других» [13, № 3, стлб. 266].

В результате та жизнь, которую проживают герои, как и вообще жизнь, которую мы все проживаем, дискредитирована. Влюбленность, если в ней герои сохраняют возможность размышлять о приданом, величие ночи, если ее ощущает полнеющий человек, семейное тепло, если глава семьи нелепо шутит, – всему этому отказано в праве на существование с высоты некоей абстрактной нормы. Это представление стало разрушительным по отношению к рассказу Чехова.

Как отмечала З. Гиппиус, в России «жизнь оторвалась от литературы, от всяких мыслей и чувств, которые были когда-то полусознательно необходимы человеку», и, разорвав эту связь, они обе умирают: литература как тело мысли, и жизнь, которая суживается и тупеет, поскольку мысли в жизни заменены «вопросами» (например, «вопросом о мужике») <...> Я касаюсь в литературе только т.н. либеральной партии. Другие составляют меньшинство, литературы у них и вовсе почти нет, а вопросы совсем какие-то завялые и полусонные. Но либералы, истинные господа теперешнего времени, имеют и свои журналы, и свою «вопросную» литературу, и своих, соответствующего роста, гениев. <...> Чеховым привыкли восхищаться, но его не любят. Он до сердца не доходит, назревших «вопросов» не затрагивает, а если затрагивает, то все-таки чересчур чисто. Горький – другое дело. Он «в самый центр» попал, а в его произведениях есть и мужик, и интеллигент, и возмущение порядками, и бесшабашная «русская удаль», и слезы, и кураж подвыпившего рабочего» [6, с. 85-94].

Эту слабость живого чувства в критике этого типа хорошо чувствовал и Чехов. Рассказ «Ионыч» не ставил вопросов – в отличие от «Дуэли» или «Иванова», которые обсуждались больше всего: в них споры персонажей позволяют критику высказать свою собственную позицию по многим вопросам русской действительности.

Вот характерный пример: «Не угодно ли взглянуть на типичнейшего разночинца “чеховской интеллигенции” – <...> Ионыча. В несколько растянутом и скучноватом, несмотря на хорошенькие отдельные места,

рассказе того же имени изображается молодой врач Дмитрий Ионыч Старцев, который поселяется в провинции, в глуши, и постепенно вырастает в эту глушь всеми интересами своего ума и сердца. <...> Рассказано так, что читатель решительно не может понять: радоваться ли ему вместе с Ионычем, что все обошлось благополучно и человек остался жить, хотя и по-прежнему скучновато, но без семейного беспокойства, или горевать о том, что Ионыч и провинциальная среда оказались без влияния друг на друга, или же покорно склонить голову перед властью действительности, с которой ничего не поделаешь... Можно морализировать на эту тему во всех трех направлениях вместе и порознь, и все-таки не добраться до той простой истины, что в создании Ионычей, этой одной из многочисленных разновидностей “чеховского интеллигента”, играют роль не столько роковые обстоятельства, протест против которых бесплоден, сколько разные другие условия и, на первом плане, нашими же руками заботливо устроенные особенности нашей школы, словно специально направленной на выработку тупых, самодовольных и пошлых потребителей жизни. Эту сторону Чехов совершенно опускает из виду, сваливая все в одну кучу, за счет якобы мудреной, сложной и стихийно-непонятной жизни. Оттого-то и поднимается такой протест в душе против общей картины жизни у г-на Чехова, что пессимизм его не объективный, не вытекающий из цельного философского мирозерцания, а какой-то смутный, частичный, едва ли не объясняемый во многих случаях преобладанием унылых настроений в душе автора. И потому иной раз самого писателя как-то скорее хочется пожалеть, чем тех, кто страдает в его рассказах от нескладицы и жестокости жизни» [10, с. 138–140]. Е.А. Ляцкий ждет от автора четкого авторского высказывания и осуждает его за отсутствие дидактики.

Огромное влияние оказало то, что «Ионыч» был воспринят в одном ряду с рассказом «Человек в футляре». Даже язык, фразеология критических отзывов об «Ионыче» говорят об этом: изображение «холодного формализма», «мертвой обстановки, в которой приходится жить современному человеку»;

«Люди как бы забываются в кругу формально усвоенных ими понятий <...> Жизнь по шаблонам парализует ум, чувство и волю...»[21, с.46 и 58] «Власть жизненного футляра очерчена здесь художником сильно, сжато и красиво... – писал Волжский. – Типичность чеховской картины невольно наводит читателя на размышление, сколько еще таких Ионычей выбрасывает лаборатория провинциальной российской обывательщины <...> “Беликова похоронили, а сколько таких человек в футляре осталось, сколько их еще будет!” – говорит в конце своего рассказа о человеке в футляре Буркин; подобное же заключение напрашивается по прочтении „Ионыча“. Здесь Чехов дал широчайшее обобщение российской обывательской жизни» [3, с.87, 88]. А группа молодежи, рабочих и интеллигентов их Устьелмы прислала телеграмму как реакцию на смерть писателя: «Сочинения Чехова долго будут любимым чтением тех, кто работает для лучшего будущего, кому ненавистны люди в футлярах и Ионычи», эта же фразеология повторяется и в других телеграммах и надписях на венках [14, с.146–149 вт. паг.;18, С.165 вт. паг.].

В произведениях Чехова было нечто, принципиально необъяснимое в таких формах общественного сознания, как литературная критика. Зрелый Чехов приходит к созданию такого типа текста, который необъясним на уровне логических обобщений и нуждается в таких формах постижения, как читательское сопереживание, развертывающееся синхронно чтению текста, как литературоведческое медленное чтение и др. Литературная критика, которая строится на объяснении текста¹, а не на его со-проживании, неизбежно упрощает чеховский текст в гораздо большей мере, чем это происходит с текстами многих других писателей. Разные критики определяли творчество Чехова через настолько противоположные друг другу формулы, что это вызывало только усмешку читателей. Как иронизировал Ф. Батюшков, Михайловский определил Чехова как «поэта тоски по общей идее»,

¹См., напр., такую характеристику критики этого времени: «Он следует распространенной у нас в последнее время критической манере разыскивать основную черту художественной психологии писателя и, разыскав ее, обозначить ее формулой и сквозь призму этой особенности рассмотреть все творчество писателя. <...>. Этот метод принадлежит к небольшим, несложным писателям, но он совершенно не годится для разъяснения смысла творчества великих писателей со многосложной душой.». [23, С. 95 вт. паг.]

Скабичевский как «крайнего идеалиста», Андреевич как носителя «героического пессимизма», Волжский как «пессимистического идеалиста», Овсяннико-Куликовский как создателя «художественных опытов», Альбов как человека, который «чутко до боли», а Оболенский – как носителя «любящей жалости ко всему на свете» [1, с. 1–12 вт.паг.]. Эти границы понимания Чехова критиками блестяще показаны А. Д. Степановым в статье «Антон Чехов как зеркало русской критики». Он утверждал: «Субъектно-объектные отношения усложняются сходным образом, особенно в поздний период чеховского творчества, когда безоценочное повествование вбирает в себя множество точек зрения героев, каждый из которых по-своему прав и не прав. Приемы олицетворения и лиризация парадоксальным образом сочетаются с эффектом реальности: говоря словами Белого, Чехов «истончает» реальность, вызывает ощущение присутствия иного смысла, то есть текстуализирует свой мир, но никогда не называет его значения. Изображенное становится не миром и не текстом или тем и другим одновременно – отсюда голоса осуждения или, наоборот, восхищения, которые раздаются с обеих сторон границы, на которой стоит Чехов» [27, с. 276–1007].

Но рассказ Чехова отчаянно сопротивляется такому подходу. Более сложная интерпретация рассказа дана нами в статье [25]. В.М. Маркович в статье «Пушкин, Чехов и судьба “лелеющей душу гуманности”» рассматривает особое, как он это называет – гуманное отношение автора к своему герою и выделяет в пределах одного фрагмента текста «соседство разных стилистических тональностей», которое оборачивается «соседством двух различных точек зрения – насмешливой и не чуждой симпатии или уважения»: в картинах обывательского существования Туркиных «нет столкновения двух различных точек зрения, развитие сюжета придает изображаемому определенный смысл, однако время от времени читательское восприятие наталкивается на какие-то иные элементы текста, которые затрудняют его слияние с этим смыслом», и в результате открываем возможность воспринять этот недолжный мир в духе примиряющей гуманности [26, с. 23].

Огромная популярность Чехова – это следствие не восторга критиков, но следствие широкой популярности среди читателей, представителей средней интеллигенции. Во многом это связано с огромной силой эмоционального воздействия чеховского текста, вплоть до его полного подчинения автору. Так, в «Палате № 6» (1892 г.) критика, как обычно, попыталась увидеть недостатки (очернение действительности, отсутствие ясной авторской позиции, неясность идеи, неумение справиться с большой формой), но текст вызывал такое сильное потрясение, настолько помимо воли читателя рушил эскапизм интеллигенции, что это чувствуется не только в непосредственных первых откликах непрофессиональных читателей, но и в критических статьях. И.Е. Репин писал Чехову: «Даже просто непонятно, как из такого простого, незатейливого, совсем даже бедного по содержанию рассказа, вырастает в конце такая неотразимая, глубокая и колоссальная идея человечества <...> Я поражен, очарован <...>» [17, с. 102]. В.И. Немирович-Данченко свидетельствовал, что в Москве о повести говорят «во всех углах», что она «имеет успех огромный, какого у Вас еще не было. Да Вы видите ли газеты? Только о ней и речь» [8, с. 98]. Даже А. С. Скабичевский, скептик по отношению к Чехову, начал статью словами: «Я <...> весь день и всю ночь находился под обаянием ее; она не выходила у меня из головы; ночью я грезил ею»), а племянница редактора «Петербургской газеты» Худекова, прочтя рассказ, упала в обморок (22, с. 8: 459]. А.С. Лазарев-Грузинский в письме к Чехову признавался: «Какое потрясающее впечатление она произвела на меня. Я всю ночь трясся» [22, с. 8: 459–463]. Рассказ «Ионыч» не вызвал такого потрясения у читателей. И тема показалась привычной, чеховской, и не было эмоционального финала (например, смерть персонажа на фоне равнодушного времени). Потому и читательская, не только критическая реакция не привела к популярности рассказа. Несмотря на то, что рассказ в XX в. стал каноническим произведением школьной программы, принципы интерпретации остались те же.

Неготовность читателя, профессионального критика и широкого читателя, несовпадение поэтики рассказа и приемов чтения – причина

незамеченности чеховского шедевра. Задачи рецепции рассказа «Ионыч» подчинили себе анализ поэтики, навязали рассказу якобы присутствующие там художественные особенности, которые приписываются рассказу вплоть до нашего времени и оказываются востребованными в школьной дидактике.

Источники

1. *Батюшков Ф.* Предсмертный завет Антона П. Чехова // Мир Божий. СПб., 1904. № 8.
2. *Венгеров С.* Чехов Антон Павлович // Энциклопедический словарь. СПб.: Изд. Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон, 1903. Т. 38. С. 777–781.
3. *Волжский <А.С. Глинка>.* Очерки о Чехове. СПб., 1903. 179 с.
4. *Волынский А.* Антон Чехов. Человек в футляре. Крыжовник. О любви. Ионыч. Случай из практики. По делам службы. Новая дача // Северный вестник. 1898. № 12.
5. *Волынский А. Л.* А. П. Чехов // Борьба за идеализм. Критические статьи. СПб., 1900.
6. *Гиппиус З.* Торжество в честь смерти. «Альма», трагедия Минского // Мир искусства. СПб., 1900. № 17–18. С. 85–94.
7. *Джонсон.* Смысл и цель жизни, по воззрению Чехова // *Покровский В. И.* Антон Павлович Чехов. Его жизнь и сочинения. М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1907. 1062, VIII с.
8. Ежегодник Московского Художественного театра. 1944. Т.1. М., 1946.
9. *Задера Г.* Медицинские деятели в произведениях А. П. Чехова // Ежемесячные литературные приложения к журналу «Нива». 1903. № 11. С. 481–510.
10. *Ляцкий Е. А.* А. П. Чехов и его рассказы // Вестник Европы. 1904. № 1.
11. *Михайловский Н. К.* Кое-что о г. Чехове // Русское богатство. 1900, 4.

12. *Овсянко-Куликовский Д. Н.* А. П. Чехов // Вопросы психологии творчества». СПб., 1902.
13. *Овсянко-Куликовский Д. Н.* Наши писатели. (Литературно-критические очерки и характеристики). I. А. П. Чехов // Журнал для всех. 1899. №№ 2–3.
14. Памяти Чехова // Русская мысль. М., 1904. № 9.
15. *Покровский В. И.* Антон Павлович Чехов. Его жизнь и сочинения. М.: Типография Г. Лисснера и Д. Собко, 1907. 1062, VIII с.
16. *П-ский И. И.* Трагедия чувства. Критический этюд (по поводу последних произведений Чехова). СПб., 1900.
17. *Репин И. Е.* Письма к писателям и литературным деятелям. 1880–1929. М., 1950.
18. Памяти Чехова // Русская мысль. М., 1904. № 8.
19. *Сементковский Р. И.* Что нового в литературе? // Ежемесячные литературные приложения к журналу „Нива“, 1898. № 10.
20. *Скабичевский А. М.* Больные герои больной литературы. Литература в жизни и жизнь в литературе. Критические письма. Письмо 7-е. // Новое слово. 1897. Кн. 4, январь.
21. *Столяров М.* Новейшие русские новеллисты. Гаршин. Короленко. Чехов. Горький. Киев – Петербург – Харьков, 1901.
22. *Чехов А.П.* Полное собрание сочинений и писем: в 30 тт. М.: Наука, 1974–1983. Сноски на издание даны в тексте: С. – сочинения, П. – письма, далее идет номер тома и страницы.
23. *Щеголев П. Л.* [Рец. на: Мельшин. Очерки русской поэзии. СПб., 1904] // Мир Божий. СПб., 1904. №10.

Литература

24. *Аверинцев С. С.* Филология // Краткая литературная энциклопедия / Гл. ред. А. А. Сурков. М.: Сов. энцикл., 1962–1978. Т. 7: 1972. Стб. 973–979.
25. *Бушканец Л. Е., Иванова Н. Ф.* Разночинец в гостях у дворян (Рассказ А.П.Чехова «Ионыч»). Русская словесность. № 4. 2018. С. 32–43.

26. *Маркович В. М.* Пушкин, Чехов и судьба «лелеющей душу гуманности» // Чеховиана: Чехов и Пушкин / РАН. Науч. совет по истории мировой культуры. Чехов. комис. Москва: Наука, 1998. 331 с.

27. *Степанов А. Д.* Антон Чехов как зеркало русской критики // А. П. Чехов: pro et contra. Творчество А. П. Чехова в русской мысли конца XIX–начала XX в. (1887–1914). СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2002. С. 976–1007.

Resources

1. *Batyushkov F.* (1904). The Deathbed Testament of Anton P. Chekhov // *Mir Bozhiy*. St. Petersburg. No. 8. (In Russian)

2. *Vengerov S.* (1903). Chekhov Anton Pavlovich // *Encyclopedic Dictionary*. St. Petersburg: Publishing House of F. A. Brockhaus and I. A. Efron. Vol. 38. Pp. 777–781. (In Russian)

3. *Volzhsky <A.S. Glinka>.* (1903). Essays on Chekhov. St. Petersburg. 179 p. (In Russian)

4. *Volynsky A.* (1898). Anton Chekhov // *Severnyj Vestnik*. № 12. (In Russian)

5. *Volynsky A.L.* (1900). A. P. Chekhov // *Struggle for idealism*. Critical articles. St. Petersburg. (In Russian)

6. *Gippius Z.A.* (1900). Celebration of Death. «Alma», the Tragedy of Minsky // *Mir iskusstva*. St. Petersburg. No. 17–18. Pp. 85–94. (In Russian)

7. *Johnson.* (1907). The Meaning and Purpose of Life, According to Chekhov's View // *Pokrovskiy V.I.* Anton Pavlovich Chekhov. His Life and Works. Moscow: G. Lissner and D. Sobko. 1062, VIII p. (In Russian)

8. Yearbook of the Moscow Art Theater. (1944). Vol. 1. M., 1946. (In Russian)

9. *Zadera G.* (1903). Medical Figures in the Works of A. P. Chekhov // *Ezhemesjachnyje literaturnyje prilozhenija k zhurnalu «Niva»*. No. 11. Pp. 481–510. (In Russian)

10. *Lyatsky E.A.* (1904). A. P. Chekhov and His Stories // *Bulletin of Europe*. №1. (In Russian)

11. *Mikhailovsky N.K.* (1900). Something about Chekhov. *Russkoje bogatstvo*. No. 4. (In Russian)
12. *Ovsyaniko-Kulikovsky D.N.* (1902). A. P. Chekhov // *Voprosy psikhologii tvorчества*. St. Petersburg. (In Russian)
13. *Ovsyaniko-Kulikovsky D.N.* (1899). *Our Writers. (Literary-critical essays and characteristics)*. I. A. P. Chekhov // *Journal dlja Vseh*. No. 2–3. (In Russian)
14. In Chekhov's Memory // *Russkaja Mysl'*. Moscow, 1904. № 9. (In Russian)
15. *Pokrovsky V.I.* (1907). Anton Pavlovich Chekhov. His life and writings. Moscow: Printing House of G. Lissner and D. Sobko. 1062, VIII p. (In Russian)
16. *P-skiy I.I.* (1902). The Tragedy of Feeling. Critical Etude (about Chekhov's Recent Works). St. Petersburg. (In Russian)
17. *Repin I.E.* Letters to Writers and Literary Figures. 1880–1929. Moscow, 1950. (In Russian)
18. In Chekhov's Memory // *Russkaja Mysl'*. Moscow, 1904. No. 8. (In Russian)
19. *Sementkovsky R.I.* (1898). What is New in Literature? // *Ezhemesjachnyje literaturnyje prilozhenija k zhurnalju «Niva»*. № 10. (In Russian)
20. *Skabichevsky A.M.* (1897). Sick Heroes of Sick Literature. Literature in Life and Life in Literature. Critical Letters. Letter 7 // *Novoje Slovo*. Book 4, January. (In Russian)
21. *Stolyarov M.* (1901). The Latest Russian Novelists. Garshin. Korolenko. Chekhov. Gorky. Kiev–Petersburg–Kharkiv. (In Russian)
22. *Chekhov A.P.* (1974-1983). Complete Collection of Works and Letters: in 30 volumes. Moscow: Nauka. Footnotes are given in the text: S. – works, P. – letters, followed by the number of the volume and page. (In Russian)
23. *Shchegolev P.L.* (1904). [about: Melshin. Essays on Russian Poetry]. St. Petersburg, 1904] // *Mir Bozhiy*. St. Petersburg. No. 10. (In Russian)

References

24. *Averintsev S.S.* (1972). Philology // Brief literary encyclopedia / Ch. editor A.A. Surkov. M.: Sov. Encyclopedia, 1962–1978. Vol. 7. Stb. 973–979. (In Russian)

25. *Bushkanets L.E., Ivanova N.F.* (2018). Commoner in the house of nobles (the Story of A.P. Chekhov «Ionych»). *Russkaja Slovestost'*. No. 4. Pp. 32–43. (In Russian)

26. *Markovich V.M.* (1998). Pushkin, Chekhov and the fate of “cherishing the soul of humanity”. *Chekhoviana Chekhov I Puchkin*. Moscow: Nauka. 331 p. (In Russian)

27. *Stepanov A.D.* (2002). Anton Chekhov as a mirror of Russian criticism // *A.P. Chekhov: pro et contra*. Russian Russian Christian Humanitarian Academy. Pp. 976–1007. (In Russian)

Авторы публикации

Бушканец Лия Ефимовна – доктор
филологических наук, профессор
Член Чеховской комиссии при Совете по мировой
культуре РАН
Казанский федеральный университет
Казань, Россия
E-mail: lika_kzn@mail.ru

Authors of the publication

Leah Bushkanets – Doctor of Philology, Professor
Member of the Chekhov Society (Russian Academy of
Sciences)
Kazan, Russia
Kazan Federal University
E-mail: lika_kzn@mail.ru